

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ С ЦЕЛЬЮ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

© 2015 Беззубцев Владимир Сергеевич

Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”

101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

E-mail: zaehne@mail.ru

Цель настоящей статьи - проследить тенденции в международном праве относительно решения проблем принудительных мер с целью защиты прав человека, выделив три периода: классическое международное право до принятия Устава ООН, период с 1945-го по 1990 г. и изменения в последнем десятилетии XX в.

Ключевые слова: вмешательство, права человека, гуманитарная интервенция, миротворчество, ответственность за защиту.

Кто, при каких обстоятельствах и на каком основании может вмешиваться в кризисную ситуацию, сложившуюся в государстве и угрожающую жизни большого числа проживающих в нем гражданских лиц, - эти вопросы не решены однозначно до сих пор. В настоящее время научное обсуждение данных вопросов связано преимущественно с анализом концепции “обязанность защищать” (“ответственность за защиту”), разработанной Международной комиссией по вопросам интервенции и государственного суверенитета (ICISS) в 2001 г.¹, утвержденной в Итоговом документе Всемирного саммита в 2005 г.² и примененной в ходе операции против Ливии в 2011 г. Авторы этой концепции (ее юридический статус до сих пор остается крайне спорным) рассматривают ее как альтернативу гуманитарной интервенции - одностороннему вмешательству в дела суверенного государства без согласия его правительства с целью защиты прав человека от наиболее тяжелых нарушений. В то же время критики идеи “ответственность за защиту” довольно часто характеризуют ее появление как возвращение “гуманитарной интервенции” под другим названием³. Для оценки роли и места данной концепции необходимо проследить историческое развитие тех международно-правовых идей, с которыми связана доктрина “обязанность защищать”; это поможет определить, могут ли они сегодня быть положены в основу юридического механизма защиты прав человека с использованием принудительных мер.

Термин “гуманитарная интервенция” можно признать наиболее подходящим для рассмотрения данного феномена международного права и международных отношений в исторической пер-

спективе, по крайней мере до начала XX в. Сегодня это понятие (разработанное и обоснованное преимущественно западными авторами) имеет, что вполне обоснованно, отчетливую негативную коннотацию, связанную с оценкой атак на Югославию в 1999 г. и их последствий для международного правопорядка. Сам феномен гуманитарного вмешательства (гуманитарной войны) существовал задолго до появления термина “humanitarian intervention”. Дается ряд толкований этого понятия различными школами международного права, но если в качестве наиболее обобщенного принять определение, утверждающее, что гуманитарная интервенция есть война не за интересы, а за ценности, признаваемые универсальными⁴, то нетрудно будет согласиться с Р. Орешкиным в том, что хронологически одними из первых гуманитарных интервенций можно считать крестовые походы, предпринятые европейцами в XIII в. “ради спасения Гроба Господня”⁵.

Особенности старого (классического) международного права - в узком смысле - до принятия Устава Лиги Наций 1919 г., в широком - до принятия Устава ООН 1945 г., позволяют судить о том, что в прошлом силовое вмешательство по гуманитарным основаниям в дела суверенного государства носило, в целом, правомерный характер. На это указывают такие черты старого международного права, как отсутствие общего запрета на использование силы в международных отношениях, отсутствие универсальной организации коллективной безопасности, преимущественно обычный характер норм международного права той эпохи и отсутствие императивных норм *jus cogens*. Это позволяет некоторым исследовате-

лям делать вывод о том, что гуманитарное вмешательство (хотя сам этот термин и появился только во второй половине XX в.) являлось обычной нормой международного права той эпохи⁶, сформировавшейся либо после интервенции Англии, Франции и России в Грецию в 1827 г., либо после англо-французского вторжения в Ливан в 1860 г., которое Я. Броунли назвал “единственной подлинно гуманитарной интервенцией”, имея в виду незаинтересованный характер действий Англии и Франции⁷. Необходимо отметить еще одну характерную черту классического международного права, которая имела важное значение для легитимации гуманитарного вмешательства, - международное право до XX в. рассматривалось как применимое только к так называемым цивилизованным народам, т.е. к нациям западным, христианским - странам Европы, Соединенным Штатам Америки. Только они могли быть полноправными субъектами международных отношений и правоотношений, лишь применительно к ним в полной мере международное право того времени использовало понятие “государство” (англ. *State*, фр. *L'État*)⁸. В условиях отсутствия в старом международном праве принципа равноправия и самоопределения народов признавалось юридически и морально правомерным военное вмешательство европейских государств в дела стран “нецивилизованных” с целью защиты их населения от жестокого обращения со стороны местной власти. На практике этот принцип проявлялся преимущественно в виде интервенций европейских держав в Османскую империю либо в страны Ближнего Востока для спасения живущих там христиан. Первой интервенцией такого рода можно считать совместные военные действия Англии, Франции и России на территории Греции в 1827 г. с целью защитить православное население от бесчеловечного обращения со стороны османских властей. Этот прецедент вдохновил влиятельного американского юриста-международника начала XIX в. Г. Витона на первое в западной доктрине международного права подробное научное рассмотрение феномена гуманитарного вмешательства. В работе “Элементы международного права” ее автор утверждает, что “вмешательство европейских христианских держав с целью избавить греков от османского ига является собой еще одно доказательство международно-правового принципа, делающего такое вмешательство законным... когда общие принци-

пы человечности поправлены варварским и деспотичным правительством”⁹. Данное утверждение, созвучное современным интервенционистским концепциям в значительной мере и тезисам, выраженным в докладе “Responsibility to protect”, не являлось в то же время новым для западной международно-правовой мысли. Его идейной основой можно считать, во-первых, доктрину естественных прав, а во-вторых, теорию “справедливой войны” (*just war*). Впервые логическая связь между двумя этими концепциями, обосновывающая право на вмешательство, была сформулирована Г. Гроцием в его знаменитом трактате “О праве войны и мира” (1625), заложившем теоретические основы классического международного права¹⁰. При этом идея “справедливой войны” начала формироваться в европейской философской мысли еще в Средневековье, в частности, в трудах Августина Блаженного и Фомы Аквинского, где рассматривалась сквозь призму борьбы за истинную веру.

К концу XIX в. по мере ослабления влияния теории естественного права под давлением идей юридического позитивизма в международном праве сложилось представление о гуманитарном вмешательстве как об исключении, а о невмешательстве во внутренние дела - как об общем правиле¹¹. В таком виде данный принцип был сформулирован еще Г. Витоном и поддержан большинством крупнейших юристов-международников того времени, в том числе такими учеными, как Л. Оппенгейм, Х. Лаутерпахт, Т. Лоренс, А. Ружье, Дж. Вестлейк.

Последовавшее после Первой мировой войны создание Лиги Наций не привело к установлению в международном праве запрета на применение вооруженной силы в качестве метода внешней политики, хотя Статутом Лиги были предусмотрены определенные ограничения этого права, признававшегося тогда за государствами. Норму ст. 16 Устава о том, что в случае обращения члена Лиги к войне вопреки положениям Устава другие члены Лиги обязаны расторгнуть с ним все торговые или финансовые отношения можно считать первым правовым основанием формирующегося института коллективного международно-правового принуждения. Однако только в 1928 г. с принятием одного из самых важных документов в современной истории международного права Парижского пакта (Пакта Бриана-Келлога) агрессивная война как средство

внешней политики была запрещена. Следовательно, лишилась своего правового основания идея “справедливой войны”. Вопрос о включении в Устав Лиги положений о правах человека, прежде всего об уважении религиозной свободы, обсуждался при его разработке, однако в итоге был отвергнут¹².

Принятие в 1945 г. Устава ООН стало началом формирования современного международного права. Принципы равноправия и самоопределения народов, а также суверенного равенства государств, положенные в основу Организации Объединенных Наций, изменили представление о международном праве как о праве “цивилизованных наций”. Регламентация применения силы и принудительных мер в международных отношениях находилась в фокусе внимания разработчиков Устава ООН, целью которой было объявлено “избавить грядущие поколения от бедствий войны”. Безусловно, исследование развития всех международно-правовых институтов, имеющих отношение к принуждению (в первую очередь, военному) с целью защиты прав человека, означало бы попытку анализа истории огромного компонента современного международного права, что является недостижимой задачей в рамках одной статьи. Поэтому считаем нужным ограничиться исследованием становления тех норм и принципов, которые играют решающую роль в применении принудительных мер в отношении суверенных государств, в которых складывается критическая гуманитарная ситуация. Для этого важно проследить развитие миротворческой деятельности ООН в годы “холодной войны”, а также те тенденции, которые наметились в международном праве после окончания существования биполярной системы, в 1990-е гг., в период, который был не без основания назван “десятилетием санкций”¹³.

Особенностью периода 1945-1990 гг. был уникальный характер международных отношений - противостояние двух блоков, возглавляемых сверхдержавами, каждая из которых рассматривала соответствующий блок в качестве собственной зоны влияния и ответственности. Тем не менее именно в период с 1945-го по 1990 г. сложился основной корпус договорных и обычных норм международного права, которые определяют сегодня условия и правомерность применения мер принуждения в области защиты прав человека, в отличие от существовавшей в прошлом обычной

нормы о праве цивилизованных наций на вмешательство в дела “варварских” стран. Из всех масштабных структурных изменений, происшедших в международном праве в период “холодной войны”, считаем целесообразным выделить три основные тенденции, которые обусловили особенности современного международно-правового регулирования в указанной области. Во-первых, это формирование принципа всеобщего уважения прав человека и его адаптация к категории государственного суверенитета. Во-вторых, развитие взаимосвязи между вопросами защиты прав человека и международной безопасностью. Третьей тенденцией является адаптация механизма применения силы в рамках ООН к реалиям международной обстановки.

Формирование принципа уважения прав человека является одним из наиболее значимых изменений в международном праве после Второй мировой войны. Ключевое значение имеет закрепление универсальности этого принципа (впервые - во Всеобщей декларации прав и свобод человека в 1948 г.), что созвучно естественно-правовым идеям, формировавшимся начиная с XVII в., о неотчуждаемых правах индивидов¹⁴. Естественно-правовая по своему происхождению идеология универсальности прав человека с неизбежностью вступила в определенное противоречие с позитивистскими установками о неизбывности государственного суверенитета и принципиальной важности невмешательства во внутренние дела, причем данное противоречие нельзя полностью признать в науке и практике государств до сих пор¹⁵. Тем не менее закрепление требований о защите прав человека в обязывающих международных договорах и конвенциях, создание контрольных конвенционных и судебных органов (первым из которых стал Комитет по правам человека ООН) привели к тому, что ситуация с обеспечением прав человека перестала рассматриваться как исключительно относящаяся к внутренней компетенции государства. Это образно сформулировал профессор В.А. Карташкин, написав, что после принятия Устава ООН внутренняя компетенция государств “коренным образом изменилась и съезжилась, как шагреновая кожа”¹⁶. Утверждение принципа защиты прав человека и признание его универсальности проходили в международном праве постепенно. Устав ООН не называет этот принцип в числе основных принципов деятельности Организации Объединенных

Наций, говоря лишь в ст. 1, посвященной целям Организации о поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам. Дебаты, сопровождавшие процесс принятия Всеобщей декларации прав человека в 1948 г., отражающей в своих положениях естественно-правовые идеи, которые были положены еще в основу Декларации о правах и свободах человека и гражданина 1789 г. и в Декларации о независимости Соединенных Штатов Америки 1776 г.¹⁷, стали, пожалуй, первым проявлением противоречия естественно-правовой идеи универсальности прав человека и позитивистского принципа незыблемости государственного суверенитета. Как известно, в ходе итогового голосования представитель СССР на переговорах А.Я. Вышинский отказался поддержать принятие Декларации из-за опасения того, что ее нормы могут стать поводом к вмешательству во внутренние дела суверенных государств. Традиционно, вплоть до начала 1990-х гг. советская доктрина международного права рассматривала права человека как исключительно внутригосударственную категорию¹⁸. Необходимо отметить, что Международный суд ООН, как минимум, дважды в период с 1945-го по 1990 г. рассматривал межгосударственные споры, связанные с вмешательством во внутренние дела, в обоих вынесенных решениях подтверждая недопустимость иностранного вмешательства, в том числе по гуманитарным основаниям. Так, в решении по делу о проливе Корфу (Албания против Великобритании) Международный суд недвусмысленно указал на то, что подобное вмешательство выступает проявлением политики силы и не может быть допустимым средством укрепления прав человека, закрепленных в международных договорах¹⁹.

Важной тенденцией, проявившейся позднее, с началом политики разрядки международной напряженности, является все более усиливающаяся взаимосвязь прав человека (гуманитарной проблематики) с вопросами международной безопасности. Понятие международной безопасности начинает толковаться все более расширительно, в него включаются не только военно-оборонительные аспекты и контроль над вооружениями, но и безопасность личности, урегулирование внутренних конфликтов, пресечение массовых нарушений прав человека. Так, в принятой Генеральной Ассамблеей в 1970 г. Декларации об укреплении международной безопасности отмеча-

ется, что “всеобщее и полное осуществление прав человека и основных свобод является необходимым и неотложным условием укрепления международной безопасности”²⁰. Значение Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. применительно к рассматриваемой теме состоит, во-первых, в том, что уважение прав человека было признано основополагающим принципом международного права, наряду с суверенным равенством государств и невмешательством в дела, составляющие внутреннюю компетенцию. Во-вторых, включение в повестку Совещания и в его Заключительный акт третьей, гуманитарной “корзины” наравне с военно-политическими аспектами безопасности и экономическим сотрудничеством стало началом нового этапа в развитии межгосударственного сотрудничества по вопросам безопасности - принципиальным стало обеспечение безопасности не только государства и его границ, но и безопасности человека²¹. В дальнейшем этот подход был развит, в том числе в рамках ООН в 1990-е гг. в форме концепции Общей безопасности, о которой будет сказано ниже.

Третьей тенденцией является адаптация механизма применения силы в рамках ООН, изначально рассчитанного на предотвращение агрессии и урегулирование межгосударственных конфликтов, к новым реалиям международных отношений. Межгосударственные конфликты были основным предметом заботы Совета Безопасности в период “холодной войны”. Но доля межгосударственных конфликтов во второй половине XX в. неуклонно снижалась, наибольшую угрозу для международной безопасности стали представлять внутренние конфликты. Именно с этими конфликтами, порожденными в значительной степени незавершенными процессами деколонизации, связано большинство прецедентов грубых массовых нарушений прав человека (этнических чисток, военных преступлений), требующих реакции мирового сообщества. С этим связана неизбежная переориентация деятельности Совета Безопасности ООН во внутригосударственную сферу и, как следствие, адаптация норм Устава, регламентирующих применение принудительных мер к ситуациям, которые не находились в фокусе внимания его разработчиков в 1945 г.

Основными нормами Устава, которыми руководствуется Совет Безопасности при реагировании на кризисные ситуации, являются общий

запрет на применение силы в международных отношениях, закрепленный в ст. 2 п. 4, нормы о применении мирных способов разрешения споров в соответствии с гл. VI, а также положения о принудительных мерах как невоенного, так и военного характера, содержащиеся в гл. VII. Создание системы коллективного применения военного принуждения стало серьезным шагом вперед, хотя, как отмечает Б.Р. Тузмухамедов, в политической действительности послевоенного времени коллективное применение силы все-таки стало исключением, а индивидуальное применение силы государствами осталось правилом²². Была развита и заложенная в Уставе Лиги Наций система принудительных мер невоенного характера (политических, экономических, дипломатических и др.), нацеленных изначально на противодействие актам агрессии и нарушению мира в результате вооруженных столкновений государств. Тем не менее уже в годы “холодной войны” деятельность Совета Безопасности, в том числе связанная с применением принудительных мер, стала распространяться и на вопросы защиты прав человека и реагирование на кризисные ситуации, порожденные внутренними конфликтами. В своей резолюции от 20 ноября 1965 г. № 217, посвященной ситуации, сложившейся в Южной Родезии, Совет Безопасности ООН впервые квалифицировал внутренний вооруженный конфликт в качестве угрозы миру²³. В дальнейшем это будет рассматриваться как обычная норма международного права и квалификация внутренних конфликтов или катастрофических гуманитарных ситуаций, связанных с грубыми массовыми нарушениями прав человека, в качестве угрозы миру и безопасности и станет юридической основой для реагирования Совета Безопасности на подобные ситуации²⁴.

Введение режима санкций (экономических и политических) на основании резолюций Совета Безопасности, принятых в период с 1962-го по 1968 г. в отношении Южно-Африканской Республики, проводящей политику апартеида в отношении коренного населения начиная с конца Второй мировой войны, явилось первым примером применения невоенных принудительных мер в рамках системы коллективной безопасности ООН в отношении государства, ответственного за массовые нарушения прав человека. Отличительной чертой санкционного режима в отношении Южной Африки являлась поддержка этой политики как со стороны Запада, так и со стороны СССР, что

можно считать исключением в период блокового противостояния. Принцип консенсуса великих держав и право вето постоянных членов имели ключевое значение в поддержании стабильности в мире, так как неприменение мер, вызывающих неприятие противоположной стороны, позволяло избегать тяжелых международных кризисов, которые были бы неизбежны в случае односторонних силовых действий какой-либо из великих держав²⁵. Именно по этой причине перечень примеров применения принудительных мер в качестве реакции на внутренние конфликты и нарушения прав человека в рассматриваемый период невелик. Проблему “блокировки” Совета Безопасности ООН по политическим мотивам в то время, когда необходимы решительные действия, пытались решить в 1950 г. США, когда по их предложению Генеральной Ассамблеей ООН была принята известная резолюция “Единство в пользу мира”²⁶, в которой говорилось, что в исключительных случаях, когда Совет Безопасности из-за вето одного из постоянных членов не может принять решения в отношении ситуации, требующей немедленного реагирования, данная компетенция может перейти к Генассамблее и она большинством голосов может санкционировать применение соответствующих мер. Аргументация западных авторов сводилась к тому, что положения данной резолюции дополняют Устав ООН и делают более эффективной систему реагирования на вызовы безопасности²⁷. Как отмечает профессор берлинского Университета имени А. Гумбольдта К. Томушат, резолюция “Единство в пользу мира” является одним из самых противоречивых международно-правовых актов, принятых после Второй мировой войны²⁸. В социалистической науке международного права сложилось однозначное мнение о том, что Устав ООН не содержит норм, позволяющих принимать какие-либо дополнения к положениям Устава, в том числе в рамках Генеральной Ассамблеи. По мнению Г.И. Тункина, данная резолюция не дополняет Устав ООН, а грубо нарушает его²⁹.

Конец XX в. был отмечен коренными трансформациями в системе международных отношений. Неизбежным следствием этих перемен стало усиление внимания к правам человека и проблемам их защиты, в том числе с использованием принудительных мер. Существенно возросла и активность ООН в вопросах реагирования на массовые нарушения прав человека, в том числе

в ходе внутренних конфликтов, спровоцированных, в частности, распадом социалистической системы и незавершенными процессами деколонизации. В правовом отношении происходила дальнейшая адаптация положений гл. VII к проблемам реагирования на массовые нарушения прав человека с целью использовать такой инструмент, как операции по поддержанию мира в целях защиты мирного населения и пресечения массовых нарушений прав человека. На основе опыта операций ООН в Сомали, Боснии, на Гаити, на севере и юге Ирака, в Либерии, Албании и в других странах сформировался институт, который был назван, в частности, И.П. Чернобровкиным “миротворческим контролем”. Под ним данный автор понимает временное гуманитарное вмешательство мирового сообщества в дела государства, направленное на прекращение этнического насилия, вызывающего масштабные нарушения прав человека и представляющего угрозу международному миру и безопасности³⁰. В отличие от примеров вмешательств времен “холодной войны”, меры, принимаемые международным сообществом в целях защиты прав человека, “носили принудительный характер и были продиктованы гуманитарными мотивами”³¹. Если в период с 1945-го по 1990 г. Совет Безопасности достаточно мало уделял внимания гуманитарным кризисам и проблемам массового нарушения прав человека, то в течение только первой половины 1990-х гг. Советом Безопасности ООН было принято больше резолюций, чем за первые 45 лет истории Организации. В них отражалось восприятие гуманитарных кризисов в качестве угрозы миру, а также содержался последовательный призыв ко всем сторонам соблюдать нормы международного гуманитарного права³².

Необходимо отметить продолжение тенденции усиления взаимосвязи между вопросами прав человека, в особенности начавших формироваться так называемых прав человека третьего поколения (право на мир, право на здоровую окружающую среду, право на развитие), и вопросами международной безопасности, что было подтверждено в ряде резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, принятых в этот период³³. Расширился спектр угроз международной безопасности - помимо традиционных угроз, заключающихся в опасности вооруженного столкновения государств или блоков государств, актуальность приобрели внутренние межэтнические конфликты,

проблемы неконтролируемых потоков беженцев, феномен так называемых несостоявшихся государств, которые в отсутствие эффективной центральной власти превращались в полигоны терроризма и религиозного экстремизма, неконтролируемый оборот оружия и наркотиков, усилившаяся активность транснациональной преступности³⁴. Это более широкое понимание угроз, стоящих перед международным сообществом, легло в основу концепции так называемой общей безопасности, сформулированной в 1994 г. в ежегодном докладе по Программе развития ООН. Ценным в ней является указание на то, что неудовлетворительные условия жизни людей, отсутствие доступа к источникам экономического развития, голод и нищета являются средой, благоприятной для экстремизма, средой, крайне негативно влияющей на состояние стабильности и управляемости в тех или иных регионах.

Значительное влияние на систему защиты прав человека с использованием принудительных мер оказало принятие в 1991 г. резолюции Совета Безопасности № 724, санкционировавшей возможность доставки гуманитарной помощи в зону внутреннего конфликта и при отсутствии (либо невозможности получения) согласия властей страны. В дальнейшем усложнение военной обстановки в Сомали потребовало применения вооруженной силы для обеспечения безопасной доставки гуманитарной помощи в условиях продолжающейся гражданской войны. Советом Безопасности ООН была санкционирована операция “Возвращение надежды” при ведущей роли США. Несмотря на первоначальный успех операции (1992-1993), действия ООН не смогли прекратить гражданскую войну в Сомали. Фактический провал операции под эгидой США нанес серьезный ущерб роли ООН в отношении защиты прав человека, что обернулось неспособностью Организации предотвратить геноцид в Сомали в 1994 г.

Интервенции 1990-х гг. поставили перед международным правом много вопросов. Все решения о применении принудительных мер в ходе операций ООН в конфликтных регионах порождали активные дебаты в академической среде относительно методов, средств и пределов применения мер принуждения в гуманных целях. В настоящее время к наиболее проблемным моментам операций ООН в соответствии с гл. VII, проводимых с целью защиты прав человека, можно отнести проблему статуса сил миссии, приме-

нение военной силы, обеспечение безопасности контингента миротворческой операции, применение норм международного гуманитарного права, ответственность членов миротворческих миссий за свои действия³⁵.

Существенно расширилась практика применения такой меры принуждения, как экономические санкции. Если в период с 1945-го по 1990 г. Совет Безопасности применял экономические санкции только дважды: в отношении Южной Родезии в 1966 г. и ЮАР в 1977 г., то в последнем десятилетии XX в. экономические санкции были применены 12 раз³⁶. При этом заявленная цель введения санкций постоянно расширялась - наравне с противодействием угрозам миру и актам агрессии причиной введения санкционных мер зачастую являлись массовые нарушения прав человека. Тем не менее вопросы эффективности данного инструмента вместе с проблемами обеспечения объективности, недопущения двойных стандартов при назначении экономических санкций до сих пор являются актуальными.

Заключение

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы. Очевидно, что идея “справедливой войны”, основанием для которой может служить цель избавления населения другой страны от страданий, причиняемых его правительством, глубоко укоренена в западной политико-правовой мысли. Не случайно “Обязанность реагировать”, как ключевой элемент концепции *responsibility to protect*, зачастую непосредственно выводят из естественно-правовых идей, высказывавшихся в XVI -XVII вв. Гуго Гроцием, Альберико Джентиле или Суаресом³⁷. Тем не менее на основании исследования исторического развития норм, касающихся принуждения и защиты прав человека, можно сделать вывод, что эта идея не нашла закрепления в международном праве после Второй мировой войны, оставаясь теоретической концепцией, влияние которой на практику государств было, однако, значительным в определенные периоды международных отношений, в частности в 1990-е гг. Правовую легитимацию принудительные меры военного характера получили только в рамках системы коллективной безопасности, основанной на решающей роли ООН в поддержании мира и стабильности. При этом идеи о том, что лишь коллективное применение силы может быть легитимным, так как государство, действуя

в одиночку, преследует, как правило, только свои политические цели, высказывались еще в начале XX в.³⁸ Практика реагирования на кризисные ситуации демонстрирует, что Устав ООН, хотя и был принят, без сомнения, в эпоху, серьезно отличающуюся от реалий международных отношений XXI в., содержит все необходимые нормы, обеспечивающие реагирование на кризисные гуманитарные ситуации. Главной предпосылкой их реализации является наличие политической воли государств, направленной на единообразное толкование положений Устава и преодоление двойных стандартов в применении действующих норм международного права.

¹ The responsibility to protect. Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty. 2001.

² Утвержден резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 16 сент. 2005 г. № 60/1.

³ Мусеев А.А. Карт-бланш. Решениям Совета Безопасности ООН нет альтернативы // Независимая газета. 2013. URL: http://www.ng.ru/world/2013-09-05/3_kartblansh.html.

⁴ В частности, В. Гавел назвал вторжение в Югославию “первой подлинно справедливой войной, поскольку она велась не за интересы, а за ценности”. Цит. по: Volsky A. Reconciling human rights and state sovereignty, justice and the law, in humanitarian interventions // International Public Policy Review. 2007. Vol. 3. No. 1. P. 23.

⁵ Орешкин Р.В. Гуманитарная интервенция в общей внешней политике и политике безопасности Евросоюза в 1990-е гг. XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2005. С. 25.

⁶ Knudsen T.B. The History of the Humanitarian Intervention: The Rule or the Exception? Paper for the 50th ISA Annual Convention. New York, 2005. P. 6.

⁷ Brownlie I. International Law and the Use of Force by States. P. 238-239.

⁸ Özden M., Astruc M. La responsabilite de proteger: progres ou recul du droit international public? // CETIM. Cahier critique. No 12. URL: http://cetim.ch/fr/publications_cahiers.php.

⁹ Wheaton H. Elements of International Law, Fourth English Edition / Ed. by J. Beresford Atlay. London, 1904. P. 101.

¹⁰ “Если, однако, несправедливость очевидна, в случае если [тиран] подвергает своих подданных такому обращению, какое ничем не может быть оправдано, исполнению этого права, заключенного в самом человеческом сообществе, ничего не препятствует (Гроций Г. О праве войны и мира. Цит. по: Knudsen T.B. The History of the Humanitarian Intervention: The Rule

or the Exception? Paper for the 50th ISA Annual Convention. New York, 2005. P. 5).

¹¹ Knudsen T.B. Op. cit. P. 4.

¹² Штейн Б. Сообщения и публикации. Из истории подготовки Устава Лиги Наций // Исторический журнал. 1944. № 2-3. С. 63-73.

¹³ Carneiro de Souza G. Responsabilidade de proteger e sua "responsabilidade de reagir": Nova modalidade de intervenzgo militar. Rio de Janeiro, 2012. P. 25.

¹⁴ Woodcock A. Jacques Maritain, Natural Law and the Universal Declaration of Human Rights // Journal of the History of International Law. 2006. No 8. P. 245.

¹⁵ Подробнее см.: Беззубцев В.С. Соотношение суверенитета и прав человека в контексте применения международно-правовых мер принуждения // Право: журнал Высшей школы экономики. 2015. № 2. С. 35-47.

¹⁶ Карташкин В.А. Международная защита прав человека и внутренняя юрисдикция государств // Обозреватель - Observer. 2012. № 2. С. 74.

¹⁷ Декларация в своей преамбуле фактически провозглашала право народа на восстание, впервые закрепленное еще в Великой Хартии вольностей 1215 г. См.: Зыбайло А.А. К вопросу о правовом статусе Всеобщей декларации прав человека и ее влиянии на правотворческий и правоприменительный процессы // Журнал международного права и международных отношений. 2008. № 4. С. 26.

¹⁸ Г.И. Тункин, в частности, указывал: "... правовое положение индивидов определяется внутригосударственным, а не международным правом (Тункин Г.И. Теория международного права. Москва, 1977. С. 145).

¹⁹ The Corfu Channel Case. I. C. J Reports. 1949.

²⁰ Декларация об укреплении международной безопасности. Принята резолюцией 2734 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН 16 дек. 1970 г.

²¹ OSCE PA Annual Session +40 Project Report : Building the OSCE of the Future. P. 3.

²² Международное право: учебник / под ред. А.А.Ковалева, С.В. Черниченко. Москва, 2011. С. 760.

²³ Резолюция Совета Безопасности ООН от 20 нояб. 1965 г. № 217.

²⁴ Тарасова Л.Н. Применение силы в международных отношениях и защита прав человека : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007. С. 10.

²⁵ Тарасова Л.Н. К дискуссии о правомерности гуманитарной интервенции // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруденция. 2011. № 5 (14). С. 103.

²⁶ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № A/RES/378 (V) от 17 нояб. 1950 г.

²⁷ Томушат К. Единство в пользу мира // United Nations Audiovisual Library of International Law. URL: www.un.org/law/avl.

²⁸ Томушат К. Указ. соч.

²⁹ Арчага Х.Э. Современное международное право / пер. с исп. Ю.И. Папченко ; под ред. и с вступ. ст. Г.И. Тункина. Москва, 1983. С. 8.

³⁰ Чернобровкин И.П. Миротворческий контроль внутрисударственных конфликтов: принципы, стратегии и тенденции // Политическая наука. 2005. № 4. С. 134.

³¹ Bierrenbach A.M. O conceito de responsabilidade de proteger e direito internacional humanitario. Brasilia, 2011. P. 72.

³² ICISS. P. 65.

³³ См., например: Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма. Одобрена резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 9 дек. 1994 г. № 49/60.

³⁴ Тренин Д. Традиционные и новые вызовы безопасности в международных отношениях // Россия в глобальной политике. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Tradicionnye-i-novye-vyzovy-bezопасnosti-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh-17512>.

³⁵ Международное право : учебник / под ред. А.А. Ковалева, С.С. Черниченко. Москва, 2011. С. 770.

³⁶ Рыжова М.В. Экономические санкции в современном международном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005.

³⁷ Gratadiur A. La responsabilit e de prot ger   l' preuve de la realit  internationale // S curit  mondiale. 2012. No 55. P. 2.

³⁸ См.: Rougier A. La th orie de l'intervention d'humanit . XVII // Revue G n rale de Droit International Public. 1910. P. 478-479.

Поступила в редакцию 03.07.2015 г.